

Спрашивал Люй Сичао, но первым не выдержал именно он.

Он встал и буркнул:

— Вдруг стало так холодно... Пойду надену что-нибудь потеплее и займусь мытьём посуды.

Яо Лисинь увела ребёнка, бросив на ходу: «Постелю ему кровать» — и исчезла.

Тан Мянью всё ещё носил наушники, полностью погрузившись в рассказы о привидениях и совершенно забыв про отца; даже не взглянул на Тан Юэя.

У деревянного стола остались лишь Тан Юэй, подпирающий щеку ладонью, и Цзян Шулюй.

Цзян Шулюй спросил:

— Есть ли на свете хоть один такой хороший человек, как я?

Без предыдущего контекста подобные слова показались бы чрезмерно самовлюблёнными.

Но сейчас свет был приглушённым, за окном ветви деревьев возле уединённого домика рыбацкой деревни шелестели под порывами ветра, где-то щебетали птицы, а во дворе стрекотали сверчки. Казалось, весь мир замер в тишине.

Именно на этом фоне взгляд Цзян Шулюя, полный нежной улыбки, казался особенно трогательным, а лицо Тан Юэя, прижимавшего ладонь к щеке, — искренним до боли.

Всё это было настоящим. Настоящим до дрожи в сердце у зрителей, которые мечтали, чтобы эти двое, словно семнадцатилетние юноши, наконец признались друг другу в любви — открыто, страстно, без колебаний.

«Целуйтесь же! Прошу вас!!»

«Однополые браки уже легализованы — чего вы ещё ждёте?! Тем более Тан Юэй сейчас не женат!»

«Только я задумался: а вдруг ребёнок Тан Юэя — от Цзян Шулюя? Если, конечно, Тан Юэй тайно влюблён в него...»

«Моя соседка уже перерыла все новости про международные случаи мужской беременности, чтобы убедить себя, что их пара — настоящая!»

«Вспомнила того актёра, которого тоже затянуло в скандал с отцовством — Шэн Цаньюнь... Жаль, ушёл из индустрии.»

«Это шоу просто мучает меня! Вот она, истинная суть “сладко-горького фандома” — я плачу!»

Тан Юэй тихо ответил:

— Есть.

Он взглянул на закрытую дверь комнаты — оттуда доносился голос Яо Лисинь, громко жалующейся по телефону своей жене на «холодное отношение со стороны команды».

Люй Сичао внизу беседовал со старушкой, попутно выхватывая у режиссёра расписание съёмок — в разговоре чётко слышалось слово «восход».

Но Тан Юэю было не до них.

Каждый раз, встречаясь взглядом с Цзян Шулюем, он чувствовал, как слабеют руки и ноги — будто один лишь взгляд партнёра способен вернуть его в те давние дни.

Тан Юэй отвёл глаза и взял в руки серёжки:

— Ты можешь примерить?

Цзян Шулюй усмехнулся:

— Это просьба или приказ?

Даже участвуя в этом шоу о размеренной жизни, Цзян Шулюй всё равно производил впечатление человека, погружённого в работу.

Если бы это была запись — зрители никогда бы не увидели подобных моментов. Но прямой эфир не прощает ничего.

Никто не думал, что быть наследником крупной корпорации — легко. Даже в рамках реалити-шоу Цзян Шулюй оставался верен своему имени — дисциплинированным, собранным, невозмутимым.

Он никогда не валялся в постели допоздна, каждое утро бегал или хотя бы гулял.

По выражению его лица зрители могли угадать эмоции, вызванные обрывками разговоров по телефону — даже если звук был отключён.

Правда, рядом с Тан Юэем Цзян Шулюй становился другим.

Как сейчас: в уголках глаз играла насмешливая улыбка, а в самом взгляде — столько нежности, что можно было захлебнуться. И невольно падать в эту ловушку.

А тот, кто находился внутри, ничего не подозревал и улыбался с чистотой ребёнка.

Тан Юэй спросил:

— Что ещё нужно сделать, чтобы ты согласился?

Он внезапно приблизился, почти коснувшись носом носа Цзян Шулюя:

— Так?

Слишком близко.

Их дыхание смешалось, и в переключающихся кадрах у зрителей возникло ощущение, будто они смотрят короткометражную мелодраму.

Два прекрасных лица — после легализации однополых браков такие пары стали главными героями бесчисленных «сладких» сериалов, но эти двое затмили бы всех.

Цзян Шулюй невольно зажмурился.

Тан Юэй фыркнул:

— Капитан, ты такой робкий.

Микрофон, казалось, уловил каждый вдох: учащённое дыхание Цзян Шулюя и спокойное — Тан Юэя.

Даже его фыркание звучало восхитительно, с лёгкой, едва уловимой ноткой самодовольства. Он будто снова стал двадцатилетним... нет, восемнадцатилетним.

«Всё, я погиб.»

«Цзян Шулюй: всё, я погиб.»

«Моя душа уже покинула тело.»

«Тан Юэй... такой капризный. Слово “капризный” обычно режет слух, но в голове только оно и крутится!»

«Заберите их в сериал! Пусть играют главных в дораме про однополую любовь! Даже если□□ плохая — я готов смотреть восемьдесят серий только ради их лиц!»

«Вы слишком скромны! Это же настоящее сладкое реалити — и без монтажа!»

«Только я хочу надавить им на головы? Они же так близко! Почему бы не поцеловаться?!»

«Вспомнил, как на прошлой станции у Цзян Шулюя была ранка на губе... Кажется, корочка уже отпала. Если её тогда оставил Тан Юэй — почему бы не повторить?»

«Передавайте всем: Тан Юэй сказал, что Цзян Шулюй “не справляется”.»

Прежде чем Цзян Шулюй успел ответить, Тан Юэй отстранился.

Он снова взял серёжки и приблизился, чтобы надеть их.

У тех, кто когда-то работал в шоу-бизнесе, обязательно были проколоты уши — и одного прокола было мало.

По сравнению с Люй Сичао и Яо Лисинь, постоянно находящимися в центре внимания, у Тан Юэя и Цзян Шулюя дырочки чуть не заросли.

Неожиданно Тан Юэй сжал мочку уха Цзян Шулюя, и тот слегка вздрогнул, instinctively обхватив галию приблизившегося Тан Юэя.

Тан Юэй был самым хрупким из четверых — казалось, чуть сильнее подует осенний ветер, и унесёт его прочь.

На террасе двухэтажного домика в рыбацкой деревне, в□□, они выглядели так, будто вот-вот поцелуются.

В кадре крупным планом лицо Тан Юэя было сосредоточенным, будто он совершал нечто важнейшее.

Сначала резко отстранился, теперь вновь приблизился — их дыхание переплелось, атмосфера стала томительно-интимной.

Ведь они уже несколько ночей спали вместе, обнимались, носили друг друга на спине... Да и три года назад всё было совсем иначе.

И всё же сейчас Цзян Шулюю казалось, что перед ним — совершенно незнакомый человек.

У Тан Юэя была и другая, скрытая сторона — за внешней робостью скрывалась хитрая, непреклонная решимость.

«Не выдерживаю!»

«Продюсеры, добавьте музыку! Мне неловко становится от этого дыхания!»

«Я готов принять даже самый откровенный поворот...»

«Они ещё не “вошли в воду”, но уже стоят на берегу (я абсолютно серьёзен).»

Серёжки, подаренные Люй Сичао, тонко позвякивали, но Тан Юэю никак не удавалось вставить их в ухо. Он приблизился ещё ближе.

Цзян Шулюй снова обнял его за талию.

— Что случилось? — спросил он.

— Капитан... Ты ведь давно не носил серёжек? — голос Тан Юэя дрогнул.

Цзян Шулюй кивнул.

— Я такой неумеха... Не получается...

В его голосе слышалось разочарование. Серёжки не входили, и старая привычка — теревить мочки ушей во сне — снова дала о себе знать.

Раньше, когда он спал с Яо Лисинем, всегда надевал перчатки — зимой и летом — чтобы случайно не потрогать соседа. Яо считал его психом.

Эта привычка осталась с детства: Тан Юэй любил засыпать, поглаживая мочку маминого уха — это давало чувство безопасности.

Позже, когда он попал в книгу, начал щипать ушки кошек и собак — прохладные, гладкие, очень приятные на ощупь.

Сейчас он нервничал и даже не заметил, как покраснела мочка уха Цзян Шулюя.

Тот молчал, но крупный план камеры заставил всех зрителей покраснеть.

«Я краснею!»

«Хочу вызвать полицию! Что это за издевательство?!»

«Цзян Шулюй... Не люби его так сильно!»

«Кажется, капитан уже на пределе...»

«Почему бы не усадить его к себе на колени?»

В следующее мгновение Цзян Шулюй действительно не выдержал и резко притянул Тан Юэя к себе.

Тот вскрикнул — и оказался на коленях у Цзян Шулюя, удивлённо глядя на него.

Цзян Шулюй машинально схватил серёжки — неважно, от кого они: от Люй Сичао или Яо Лисинь — и хрипло произнёс:

— Тогда попробуй сам.

«Что значит “попробуй”?»

«Он опустил голос до такого состояния... Я больше не хочу жить! Раньше, когда я гналась за группой, даже не слышала такого тембра!»

«Стол на берегу моря в рыбацкой деревне...»

Комментарии в чате были отфильтрованы модератором.

«Сдерживайтесь! Я вся покраснела, но не позволю себе писать непристойности в чате: капитан — явный “первый”, не спорьте!»

Тан Юэй начал:

— Это твои...

Не договорив, он почувствовал, как Цзян Шулюй сжал его мочку пальцами. Грубоватая кожа пальца коснулась нежной плоти — и Тан Юэй чуть не подпрыгнул.

Но его крепко держали.

Стол скрывал их наполовину, и никто не видел, как их пальцы переплелись.

Как зайца, пойманного хищником, Тан Юэя уже не вернуть в его норку.

Он обречён следовать за ним.

— Не двигайся, — прошептал Цзян Шулюй.

Только что Тан Юэй собрался с духом, а теперь вся его решимость испарилась. Его сознание затуманилось, и он инстинктивно зажмурился.

В сверхчётком кадре была видна каждая дрожь его ресниц.

Будто серёжка пронзала не ухо, а само его сердце.

Пробиваясь сквозь пятилетнюю ржавчину времени, она наконец вошла — свободно, без преград.

В постпродакшене не добавили ни единой ноты музыки. Только звуки: голоса участников, шелест осеннего ветра.

Внизу Люй Сичао разговаривал со старушкой, плохо слышащей — и вдруг вспомнилось, как он недавно подшучивал над ушами Тан Юэя.

В комнате Яо Лисинь всё ещё болтала с женой — если перевести её слова в текст, получились бы одни волны: «~люблю~тебя~малыш~».

Но всё это звучало приглушённо, становясь лишь фоном для главного кадра.

Тан Юэю было трудно сосредоточиться.

Ощущение, будто серебряная игла медленно ввинчивается в ухо, было странным. А сидеть на коленях у Цзян Шулюя — ещё страннее.

Цзян Шулюй спросил:

— Больно?

«Выгоните меня! Я не контролирую свои мысли!»

«Спокойно, друзья! Это же чистая, платоническая любовь! Композиция кадра такая поэтичная!»

«На столе ещё и свечи от Люй Сичао... Он что, специально всё устроил?»

«Ребёнок там вообще не думает о судьбе отца — уже взял планшет Яо Лисинь и ищет “невесту-призрака”.»

«Внизу — дом престарелых, наверху — детский сад и... свадебная ночь.»

«Какая свадебная ночь?! Вы с ума сошли или я?.. А, ну да — прокалывание ушей.»

Тан Юэй быстро ответил:

— Не больно.

Он торопливо отстранился от Цзян Шулюя, даже заикаясь:

— К-капитан... Ты... ты так крут!

«Лучше не объясняй... Теперь точно не отмоешься.»

«Мастер по прокалыванию ушей, да? А ведь помню — уши Тан Юэю когда-то прокалывал именно Цзян Шулюй.»

Цзян Шулюй тоже вспомнил и, небрежно поправляя пиджак, сказал:

— Всё верно. Я тебе уши прокалывал, так что сейчас логично, что я их “протираю”.

Уши Тан Юэя горели, будто их варили. Он старался не смотреть на Цзян Шулюя, но получалось настолько нарочито, что просто избегал его взгляда.

Он не знал, что в глазах Цзян Шулюя и миллионов зрителей выглядел как цветущая слива — живой, яркий, ослепительный.

Особенно красиво смотрелись серёжки, качающиеся при каждом его движении.

Люй Сичао выбрал для Цзян Шулюя тонкие цепочки с мелкими бусинами, инкрустированными крошечными бриллиантами — будто рассыпанные звёзды.

Цзян Шулюй хотел, чтобы эти звёзды упали прямо в его ладонь.

Он достал вторую серёжку:

— Дай я надену тебе эту. Подойди.

Тан Юэю казалось, что он вот-вот взорвётся. Камеры следили за каждым его движением, и он боялся, что не удержится — поцелует Цзян Шулюя.

Поцелует его пульсирующее горло, высокий нос, изогнутые губы.

Хочется... проглотить капитана целиком.

«Идите лучше в спальню — там и серёжки наденьте, и ещё кое-что...»

«Почему они так идеально подходят Тан Юэю?! Почему?! Люй Сичао специально выбрал?!»

«Хватит! У меня не останется жизни!»

«Кстати, Люй Сичао сейчас вверх посмотрел...»

Тан Юэй замахал руками:

— Н-нет! Не надо! Я сам справлюсь! Просто надо чуть сильнее нажать...

Он вдруг сник:

— А тебе что надевать?

Цзян Шулюй мягко ответил:

— Моё — твоё. Неважно.

«Перестаньте соблазнять!»

«Нас соблазняют! Посмотри на Тан Юэя — он же спокойно принимает всё! Может, они уже встречаются?»

Тан Юэй вскочил:

— Я в туалет!

Цзян Шулюй усмехнулся:

— Тогда я пойду приберусь в комнате.

Когда Люй Сичао поднялся мыть посуду, он обнаружил, что никого нет.

Он взглянул на Цзян Шулюя, распаковывающего чемодан:

— Где Тан Юэй?

— Во дворе, в туалете, — ответил тот.

— Сегодня я помою посуду. Потом сходите с детьми на берег? Тан Юэй же любит волнорезы?

Цзян Шулюй кивнул.

Люй Сичао многозначительно спросил:

— Ну как тебе мой подарок?

Цзян Шулюй не стал скрывать:

— Если Тан Юэю нравится — значит, и мне нравится.

Люй Сичао серьёзно произнёс:

— Вы не задумывались друг о друге? Брак — дело сложное, но просто встречаться — почему бы и нет?

«Боже! Это же настоящее шоу знакомств!»

«Спасите! Так можно говорить в эфире?!»

***

«Универсальный язык»

В галактике существовала система двуязычного образования. Кроме китайского, вторым языком был не английский, а некий «универсальный».

Для Тан Дайюэя это был совершенно незнакомый язык. Когда он впервые попал туда, ему казалось, что его ругают.

Ему вдруг показалось несправедливым!

Тот, с кем он поменялся местами — «глупый Тан Юэй», который даже родил ребёнка, — не обязан был учить новый язык.

Ведь у бойз-бэнда есть переводчики!

Позже босс нашёл личное дело Тан Юэя, и Тан Дайюэй увидел его оценки.

Он замолчал.

«Ты, оказывается, отличник...»

Но, увы, семнадцатилетнему инопланетянину на Земле всё равно пришлось делать «Пять три» (сборник задач).

Ведь задания с планеты 9787 кардинально отличались от земных.

Тан Юэй был настоящим неграмотным.

Тогда Цзян Шулюй, исполнявший роль своего рода «надзирателя»,

когда репетитор в отчаянии сказал, что Тан Юэй вряд ли наберёт даже двести баллов по трём предметам вместе взятым,

спокойно ответил:

— Поначалу я думал, он не наберёт и ста.

А потом добавил:

— Сяо Юэй довольно сообразительный.

Репетитор подумал: «Если бы я не знал твой характер, подумал бы, что ты его оскорбляешь».

Иногда Тан Юэй всё ещё говорил на универсальном языке —

даже пел на нём.

Люй Сичао недоумевал:

— Какой-то секретный шифр?

Яо Лисинь смеялся:

— Наверное, сам придумал.

Позже Яо Лисинь услышал, как Тан Юэй и Тан Мянью о чём-то быстро переговариваются на этом «шифре».

Он спросил Цзян Шулюя:

— Ты понимаешь?

Тот улыбнулся:

— Это наши семейные тайны. Не скажу.

Яо Лисинь простонал:

— Не выдерживаю...

<http://bllate.org/book/16057/1502211>